

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Фролова Романа Михайловича
на тему «Между *privati* и *magistratus*: граждане переходных статусов в
политической жизни Римской республики»,
представленной на соискание учёной степени доктора
исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Римский политический гений создал уникальное государственное устройство – обширную территориальную державу с республиканской системой управления, не знавшей ни полиции, ни бюрократии. В отличие от монархии, где все подчиняется воле одного лица – каким бы ни было это лицо, кто бы на него ни влиял, при республике действуют разные социальные силы, разные фракции господствующей элиты, постоянно меняется курс, что усложняет задачи управления. Уникальная система власти Римской республики вызывала восхищение и привлекала внимание как ее современников, так и потомков, являясь и сегодня одним из самых востребованных и актуальных объектов исследования. Вполне закономерно, что изучение республиканской политической организации началось с публично-правовых ее основ, что не теряет актуальности и в современной историографии. Но такой подход не может в полной мере описать механизм ее функционирования, и постепенно нарастало понимание, что столь обширное государство при столь простой управленческой структуре во многом опиралось на неформальные, укоренные в обычае, а не в праве, механизмы реализации властных полномочий. Р.М. Фролов справедливо отмечает, что «в существующих исследованиях публично-правового устройства и политической культуры республиканского Рима до сих пор недостаточно учитывается значение неформальной инициативы как важного компонента лидерства» (с. 902). Этот пробел успешно восполняет представленное диссертационное исследование. О его актуальности можно говорить и в научном плане, и в собственном смысле слова, что отметил и Р.М. Фролов (с. 7, 10), ибо даже в

современных бюрократических государствах роль неформальных факторов и механизмов весьма велика, хотя зачастую сознательно скрывается.

В русле указанной тенденции выявления неформальных факторов диссертационное исследование Р.М. Фролова посвящено носителям властных полномочий, которых он определил как находящихся между частными лицами (*privati*) и магистратами (или как граждан переходного/промежуточного статуса). Отмечу, что мне больше импонирует формулировка «граждане промежуточного статуса», подчеркивающая их особое положение как отдельной группы, хотя, как указывает автор, античная традиция такую группу не выделяла, исходя из упрощенной укоренившейся дихотомии *privati/magistratus*. Основное внимание уделено последнему веку Республики, и это не случайно. Именно во время общественных катаклизмов и гражданских войн политическая инициатива, независимо от легальных прерогатив, приобретает особое значение. Но и в спокойные времена неформальные моменты, причем даже неосознаваемые, не теряют своего значения, причем политические акторы даже не задумываются, почему так поступают, когда всё идет своим чередом. Конечно, в периоды кризисов формальности сохраняют свою актуальность, поскольку борющиеся силы стараются доказать законность своих действий и, соответственно, незаконность действий оппонентов, но при всем стремлении сохранять видимость законности о ней постоянно забывают в угоду политической прагматике. Одновременно формируются новые принципы управления, способные решать породившие кризис проблемы, что автор наглядно показал в пятой главе своего диссертационного исследования.

Диссертация состоит из пяти глав, связанных единой проблематикой и в совокупности охватывающих все возможные варианты рассматриваемой категории лиц, которые в политической теории воспринимаются как частные, но при этом обладают властными полномочиями. Ключевой чертой этой группы участников политического процесса, как убедительно

доказывает автор диссертационного исследования, является такой неформальный фактор, как проявление политической инициативы, что связано с политическим лидерством.

Введение содержит все требуемые разделы, дающие полную информацию об актуальности и научном значении представленной работы, объекте и предмете исследования, географических и хронологических рамках, использованных методах, источниковой и историографической базе, на основе которых сформулированы и обоснованы цель и задачи собственного исследования. Особое внимание во Введении автор резонно уделил проблемам методологии. К ним он неоднократно обращается и за пределами соответствующего раздела, в частности, в разделе «Актуальность темы исследования» особо оговаривает, что затрагивает здесь и вопросы методологии (с. 23). Мне все же представляется, что такое смешение разделов не является обоснованным и необходимым.

В источниковедческом разделе автор выделяет вопросы, по которым тот или иной автор предоставляет сведения. Но при этом в тени оказываются общие характеристики источников, в частности, с точки зрения погруженности их авторов в политический процесс – например, важно отметить, что Цицерон был действующим политиком в отличие от «кабинетного ученого» Ливия. Причем в источниковедческом разделе автор переходит уже к исследовательской тематике (с. 44-47), что явно излишне. На мой взгляд, и в историографическом разделе автор нередко сбивается на дискуссию по частным вопросам, хотя сам справедливо замечает в начале этого раздела, что «подробный историографический обзор изучения отдельных переходных статусов между *privati* и *magistratus*, последовательный анализ которых составляет основное содержание данного диссертационного исследования, имеет смысл приводить непосредственно в главах основной части» (с. 49), а здесь необходимо обозначить лишь основные вехи изучения каждого блока (с. 49-50). Эти основные вехи, собственно, представлены на с. 61-93, где самому

подробному анализу из всех рассмотренных здесь понятий подвергается история изучения понятия «политическая инициатива» – ключевого для представленного диссертационного исследования. Отмечу рациональное построение историографического раздела, делающее восприятие основных тенденций в весьма обширной историографии легким и доступным.

В первой главе рассмотрены некоторые эпизоды из ранней римской истории, начиная с М. Юния Брута, одного из основателей Республики, в которых частными лицами, не имеющими политических полномочий, была проявлена эффективная политическая инициатива. Автор резонно не решает вопросов историчности рассматриваемых событий, но использует их анализ для выявления принципов и обстоятельств, делавших оправданными в глазах античных авторов проявление политической инициативы со стороны частных лиц. Подробно останавливаясь на анализе традиции о магистратских полномочиях Брута, Р.М. Фролов считает его частным лицом, проявившим важнейшую политическую инициативу. Но нельзя забывать и о втором отце-основателе Республики – Сп. Лукреции, который был префектом города, соответственно, мог дать правовую санкцию инициативе Брута. Проведенный в первой главе анализ взглядов античных авторов на события легендарного прошлого позволил протянуть нить к их оценкам ситуации I в. до н.э.

Во второй главе дан скрупулезный анализ положения магистратов-десигнатов, т.е. избранных, но еще не вступивших в должность. Выводы автора убедительно обоснованы. В этой связи хотелось бы уточнить свою позицию, довольно подробно рассмотренную Р.М. Фроловым (с. 52-53, 179-182). Наши мнения совпадают, соответственно, я не говорю о наличии *ius edicendi* у десигната (впрочем, это и не было предметом моего исследования), а о наличии его в скрытом виде, подобно *potestas* и *ius auspicio* (чем я, собственно, и занимался). Так что мое утверждение, что положение десигнатов «похоже на магистратское», означает сравнение, а не отождествление. И хотя я не в полной мере удовлетворен собственной

концепцией, но схожие идеи о наличии у десигнатов «неактивированного» империя, высказанные и обоснованные автором диссертационного исследования, позволяют с большей уверенностью продолжать изыскания в том же направлении. Полностью соглашаясь с Р.М. Фроловым, что десигнаты никоим образом не обладали и не могли обладать формально магистратскими полномочиями, все же подчеркну, что неформально их заявления и подготовленные будущие меры (в том числе эдикты) все же имели заметное влияние на текущий политический процесс. Впрочем, здесь у нас нет принципиальных противоречий с автором диссертации, скорее речь идет об акцентах (см. убедительный вывод на с. 242).

В третьей главе рассмотрены процедуры абдикации/аброгации и временного отстранения магистрата от исполнения должностных обязанностей. Другими словами, исследуется ситуация, в определенном смысле противоположная той, что анализировалась во второй главе. Особый интерес представляет процедура и последствия приостановки исполнения магистратских полномочий, причем диссертант справедливо подчеркивает зависимость процесса от воли и поведения самого магистрата

В четвертой главе подробно исследовано положение промагистратов – это, пожалуй, самая сложная группа для определения ее в качестве *privati*, поскольку промагистраты обладали магистратскими полномочиями. Отнесение промагистратов в публично-правовом отношении к категории *privati* – смелый и неоднозначный, на первый взгляд, вывод, однако Р.М. Фролов при анализе контекстов, в которых употреблен этот термин, весьма убедительно доказывает, что дело нельзя свести к риторическому или полемическому преувеличению. Принципиальным отличием магистратов от промагистратов, по справедливой мысли диссертанта, является отсутствие у вторых власти в сфере *domi*. Как убедительно показано, именно попытки промагистратов вмешаться в сферу *domi* ярко «высвечивали» статус *privatus* в публично-правовом отношении.

Соответственно, основное внимание диссертант уделил анализу вмешательства промагистратов в эту сферу.

В недавней своей работе при анализе военных ауспий я сделал осторожный вывод, скорее даже предположение, о приоритете гражданской сферы (т.е. *domi*) римской общины, во всяком случае в религиозно-идеологической сфере (ВДИ. 2025. Т. 85. № 3. С. 602). Отрадно отметить, что в гораздо более подробном исследовании, представленном в четвертой главе диссертации, Р.М. Фролов пришел к схожему выводу при анализе другой проблематики: «На протяжении всей истории Республики римская «большая политика» во многом продолжала определяться миром политики городской, будучи ограничена как физически, так и идеологически небольшим числом политически значимых общественных пространств» (с. 475 и в других местах). Такой вывод ставит новый весьма важный вопрос: каковы истоки и основы (политические, правовые, религиозные) отмеченного приоритета сферы *domi*?

В пятой главе автор «перебрасывает мостик» от Республики к Принципату, предприняв попытку на основе анализа рассмотренных в предыдущих главах промежуточных статусов, прежде всего промагистратуры, дополнить понимание истоков власти Августа и делает это весьма убедительно. Замечу лишь, что цензорская власть выделилась в свое время из консульской, а потому консул был правомочен осуществлять цензорские обязанности. Так что, предполагаю, скорее здесь следует искать правовые основы цензорских полномочий Августа, а не в возможном сохранении им в 28 г. до н.э. полномочий триумвира (с. 859).

Диссертант подготовил дополнительно два Приложения по теме диссертации, которые предлагают интересные варианты обобщения материала для дальнейшего анализа.

Во всех пяти главах, посвященных разным сторонам феномена частных лиц промежуточного статуса, Р.М. Фролов очень тонко показывает сложности при использовании дихотомии *privati/magistratus*, которая не

могла охватить весь спектр политических статусов, но продолжала использоваться античными авторами. Соответственно, справедливо указывает автор, необходим строгий учет контекста использования этих терминов, поскольку схожие ситуации могли описываться и тем, и другим термином, что нередко приводит к ошибкам. И этот весьма скрупулезно выполненный анализ является одним из достоинств представленного диссертационного исследования

В заключение, помимо высказанных выше замечаний, хочу предложить еще несколько наблюдений, уточняющих и дополняющих выводы Р.М. Фролова или предлагающих иные трактовки событий.

Во Введении автор оговаривает, что выводит за рамки своего исследования римское жречество, с чем я, конечно, полностью согласен. Действительно, политическая и сакральная власть в Римской республике представляли собой принципиально разные сферы: даже ауспиции жрецов и магистратов не мешали друг другу. Но все же автор высказывает «мысль о полезности рассмотрения положения публичных жрецов как в некотором смысле «промежуточного» между *privati* и *magistratus*» (с. 117). Однако лишь в положении верховного понтифика в историографии, начиная с Т. Моммзена, усматривают некоторые магистратские черты, но и это далеко не общепризнано. Автор обращается к событиям 133 г. до н.э., в которых верховный понтифик П. Корнелий Назика, действительно, сыграл ключевую роль в завершении конфликта (с. 118-119). Но вряд ли имеет смысл искать здесь какую-то правовую основу: в той ситуации всё было уникально и определялось ожесточенным противостоянием сторон. Даже сенат повел себя крайне необычно, как толпа фанатов после проигрыша любимой команды. Никогда ни до, ни после мы не сталкиваемся с таким поведением сенаторов, в основном людей пожилых и не склонных в силу возраста к резким действиям. Я уж не говорю о 300 сторонниках Тиб. Гракха, убитых без суда и следствия. Автор считает, что «наличие жреческого статуса позволило задним числом придать нелегальным

действиям хотя бы религиозный флёр» (с. 118). В этой связи я предлагаю обратить внимание на другую информацию Аппиана и Плутарха, которые упоминает такую деталь, как покрытие Назикой головы краем тоги (конечно, не подолом, как в сноске 248 на с. 118), и даже пытаются объяснить этот жест, но в предложенных ими вариантах нет указания на то, что в таком виде римляне совершали жертвоприношение. Предполагаю, что здесь мы имеем дело с попыткой – осознанной или нет, сказать трудно – перевести оправдание страшного деяния из области публичного права в область сакральную, которая строилась на иных основаниях. Соответственно, вряд ли стоит искать здесь намеки на публичное право.

Хочу высказаться по поводу еще одной мысли, относящейся ко мне: «Чтобы показать саму возможность предоставления отложенных полномочий, А.М. Сморгачев обращает внимание на практику отложенных империя и провинций промагистратов по закону Гн. Помпея 52 г. Однако закон Помпея не создавал никакой особой публично-правовой категории лиц с отложенными полномочиями, «похожих на промагистратов»: действительно, полномочия откладываются и затем «активируются» автоматически, но они не находятся в распоряжении экс-магистратов до момента «активации»» (с. 180). Я не вижу здесь противоречия между нашими точками зрения, но хотел бы обратить внимание на проблему, решения которой я пока не вижу. А именно, если относительно получения новоизбранными магистратами империя и права ауспиций при их вступлении в должность мы имеем какие-то сведения, пусть неполные, а потому допускающие разные трактовки, то относительно обретения упомянутых прав при получении промагистратских полномочий через некоторое время после сложения магистратуры сведения отсутствуют полностью. Отсюда следует, что утверждение об автоматической их активации вполне возможно, но механизм ее требует разъяснения. Указанная проблема – в результате какой процедуры обретали империй и ауспиции при получении промагистратских полномочий – еще ждет своего

решения. Попутно замечу (к с. 182), что, хотя Л. Постумий Альбин не обозначен в фастах как *designatus*, в них указано, что он погиб до вступления в должность (CIL. I. I². Pars 1. P. 23).

Не соглашусь с трактовкой автором назначения консулом-суффектом Л. Корнелия Мерулы как удачного политического хода (с. 376): «Назначение консула-суффекта было попыткой сенаторов продлить фактическое ограничение полномочий Цинны и, самое главное, распространить это ограничение за пределы города, т.е. на территорию, над которой противники Цинны не имели физического контроля» (с. 377). Дело в том, что Мерула был фламинем Юпитера, на которого распространялось несколько десятков религиозных ограничений. В частности, ему запрещалось покидать территорию Рима на срок более одного (двух или трех – источники расходятся) дней, так что сложно говорить о контроле над территорией вне Рима. К тому же ему запрещалось даже видеть вооруженное войско, так что не может быть речи и о военном противостоянии Цинне. Почему выбор сената остановился именно на жреце – большой вопрос и весьма интересный.

Есть замечание к переводу отрывка из сочинения Цезаря «Гражданская война» (с. 652). Автор указал, что использует тейбнеровское издание А. Клотца. В нем завершающее фразу в параграфе 6 сказуемое поставлено в конъюнктиве (*exeant*), а Р.М. Фролов переводит изъявительным наклонением, что соответствует лёбовскому изданию Дж. Хендерсона (*exeunt*). Одна буква довольно серьезно меняет смысл фразы: в первом случае сказуемое в конъюнктиве должно зависеть от союза *ut*, а это значит, что критикуемые Цезарем лица (преторы или претории) не только куриатный закон о своем империи не провели, но и не совершили необходимых обрядов при выступлении на войну, а во втором, где сказуемое оказывается в независимом предложении, нарушение касается только куриатного закона. Попутно замечу, что, поскольку упоминается

необходимость принятия куриатного закона, скорее всего речь идет все же о новоизбранных преторах.

В диссертации довольно много цитат на латинском и древнегреческом языках без перевода. Все же перевод является авторской интерпретацией текста, которую не следует оставлять на усмотрение читателя.

Желательны конкретные ссылки в подтверждение весьма важного наблюдения: «Как следует из других частей сочинения Кассия Диона, с его точки зрения проблема, с которой столкнулась Республика, заключалась не в том, что некие военные вожди пытались подменить собой республиканских магистратов, а в том, что этого стремились достичь именно промагистраты» (с. 864).

Всё вышесказанное никак не умаляет несомненных исследовательских достоинств представленного диссертационного сочинения. Р.М. Фролов дал глубокий и всесторонний анализ важной группы участников политического процесса в республиканском Риме, обогатив наши представления о функционировании политической организации Республики. Выводы логичны, убедительны, соответствуют заявленным задачам. Автора отличает впечатляющая эрудиция, знание литературы не только непосредственно по теме, но и по сопутствующим проблемам, высокий уровень источниковедческого анализа, умение обобщать материал в глобальных выводах при внимании к малейшим деталям информации из античных источников. Работа написана ясным научным языком, хотя и несколько многословным, что приводит к постоянным повторам одной и той же мысли. Но таков авторский стиль – постоянно возвращаться к высказанной мысли с разных сторон, дополняя и углубляя сделанный вывод. Автореферат содержит все необходимые разделы и в достаточной мере отражает содержание диссертации, позволяя составить о ней полное и всестороннее представление. Результаты исследований представлены в четырех главах трех коллективных монографий с общим объемом авторской части 6,5 п.л. и в 32 публикациях

общим объемом 36,9 п.л., в том числе в 16 статьях объемом 16 п.л. в изданиях из перечня ВАК при Минобрнауки России. Публикации в ведущих антиковедческих журналах и выступления с докладами на многочисленных российских и международных научных конференциях свидетельствуют о высоком уровне предварительной апробации проведенного исследования.

Диссертация Фролова Романа Михайловича «Между *privati* и *magistratus*: граждане переходных статусов в политической жизни Римской республики» соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ от 23.09.2013 № 842 (ред. от 18.07.2026 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора наук. Соответственно, Фролов Роман Михайлович заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
Сморчков Андрей Михайлович

Сморчков

«21» сентября 2026 г.

Контактные данные:

Тел.: +7 (926) 781-62-28, E-mail: smorchkovtuber@yandex.ru

Адрес Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»:

125047, ЦФО, г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6, корп. 1

кафедра истории древнего мира ИВКА РГГУ

Тел.: +7 (495) 250-63-18 E-mail: dep_kidm@rggu.ru

